

© 2009 г.

Академик Ю.А. ПОЛЯКОВ

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ КОРРУПТИРОВАННОСТИ И ПЕРЕРОЖДЕНИЯ ЭЛИТЫ

Коррупция – тяжелейшая болезнь, которой охвачено наше общество. Борьба с ней жизненно важна. Президент РФ Д.А. Медведев внес в Государственную Думу пакет весьма строгих антикоррупционных законов, которые были утверждены законодательными органами страны в конце 2008 г. В послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г. Д.А. Медведев подчеркнул, что "государственный аппарат у нас – это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ. Такая система абсолютно неэффективна и создает только одно – коррупцию", а "для свободного, демократического и справедливого общества враг номер один – это коррупция".

В этой связи важно знать историю и социальную природу коррупции в России и связанным с ней перерождением руководящей элиты. Коррупция явление глобальное, и в ряде стран она признается национальным бедствием. В России лихоимство и мздоимство известны с древнейших времен. В предреволюционные десятилетия она приобрела огромные масштабы, пронизав государственную машину в центре и на местах. Своеобразный характер это явление получило в советские годы. Главное заключалось в том, что непрерывно росла роль государства и соответственно роль государственного аппарата, т.е. партийно-советско-профсоюзно-комсомольской номенклатуры. Произошло перерождение и социальное вырождение руководящей элиты.

Этому не следует удивляться. В истории полно подобных примеров. Известно, как молодой офицер, сторонник республики, выдвинувшийся во время Французской революции 1789 г., после успешных военных походов оказался на императорском троне. Не нужно особо напрягаться для понимания того, что скромный неизвестный корсиканец и человек с короной императора Франции, покоривший половину Европы – разные люди. Ясно и то, что это один человек – Наполеон Бонапарт, менталитет которого в корне изменился. Произошло то, что называется перерождением.

Перерождение – качественное, коренное изменение менталитета человека, группы или определенных социальных слоев под воздействием различных обстоятельств – чаще всего при получении власти или обогащении. Перерождение происходит не просто потому, что любой человек так или иначе меняется. "Не суетите: таков судьбы закон; // Вращается весь мир вокруг человека, // Ужель один недвижим будет он?" – писал А.С. Пушкин. Да, человек меняется – физически, умственно. Меняется, что абсолютно естественно и неизбежно, с возрастом. Меняется в результате серьезного заболевания. Меняется, разорившись, потеряв имущество при пожаре, наводнении, землетрясении, цунами. Меняется (и это тоже естественно) в ходе служебного роста. И, разумеется, достигая большой власти или становясь очень богатым человеком.

Поляков Юрий Александрович – действительный член Российской академии наук, председатель Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии.

Но эти перемены вовсе не обязательно означают перерождения, а свидетельствуют о естественном изменении психологии человеческой массы в целом и человека в частности. Изменения характера зависят от самого индивидуума, его индивидуальных качеств. Один, разбогатев, остается простым, дружелюбным, готовым помочь даже малознакомому человеку, другой превращается в скупого рыцаря. Один, став начальником, не теряет элементарных человеческих качеств, остается ровным в общении с подчиненными, другой становится самодуром, упивающимся возможностью командовать, приказывать и наказывать.

Поражающее воображение многообразия людских судеб делает неизбежным субъективность оценок и подходов. При этом важны продолжительность происходящих перемен, их постепенность или внезапность. Батрак, превратившийся в зажиточного хозяина; поднявшийся на много ступеней чиновник; лейтенант, дослужившийся до генеральских погон – во многом становятся людьми с другими интересами, поведением, отношением к жизни и окружающим. Но это происходит, как правило, постепенно, на протяжении значительного времени. Взбунтовавшиеся рабы, если им удавалось одержать победу, занимали место хозяев, с легкостью делая то же, что делали прежние владыки, только грубее и хамоватее. Но каждый раб, только попав хозяином в господский дом, был уже другим человеком.

История знает множество фактов смены власти и соответственно смены команд, находящихся у власти. Но за редким исключением к власти приходили люди, не имевшие никаких целей кроме установления своего правления. Их собственный (и командный) менталитет менялся, но это были индивидуальные перемены, подобные индивидуальным карьерным взлетам. Победа в династическом споре приводила к власти другого короля, герцога, курфюрста, который мог быть умнее или глупее предыдущего, более жестким или более мягким, более скупым или более щедрым. Но его сознание, его психика не претерпевали глубоких изменений, если он и до победы был из той же среды. То же происходило в религиозных конфликтах, в феодальных спорах, межкняжеских столкновениях на Руси.

Большей частью они сводились к перетасовкам одной и той же колоды. Короли, императоры, князья, бароны и прочие аристократы, получившие свои титулы, власть, богатство по наследству, воспринимали полученное как должное. Их менталитет не менялся, их с детства воспитывали в формате уготованной роли. Вырождение аристократии, дворянства – другой процесс, шедший параллельно с ростом буржуазии и отразившийся также в генетическом плане.

Сложность и противоречивость процесса перерождения революционеров демонстрирует Французская революция 1789 г. Немало ее деятелей, искренне и твердо веровавших в идеалы свободы, равенства и братства, сложили головы на гильотине в междоусобной борьбе. Другие романтики и идейные борцы сошли с политической сцены. А основная часть республиканцев, ярых ненавистников аристократии, довольно быстро превратилась в преуспевающих соратников недавнего защитника республики, ставшего императором. Произошло очевидное перерождение революционеров, прекратившее существование республики.

Социальные революции не меняют человеческой природы, как надеялись многие революционеры – идеалисты, но с особой резкостью, обнаженностью выявляют типичные черты человеческого характера. Вместе с тем, революции накладывают серьезный отпечаток на менталитет различных слоев общества и чем глубже, радикальнее, масштабнее революция, тем значительнее изменения в людском сознании.

Революция в России в 1917 г. не имеет себе равных по той глубине, с которой были перепаханы социальные пласты, по той радикальности, с которой была уничтожена старая власть и возникла новая, осуществляемая новыми людьми, посвятившими себя идее ликвидации классов и классовых привилегий, созданию режима равенства и братства.

У власти оказались не рабы, не крепостные, не просто ненавистники самодержавия, а идейные противники старого строя, стремившиеся полностью отречься от него

и создать принципиально новые условия жизни, новые отношения между людьми, в том числе между обществом и властью, создать власть, вышедшую из народа, понимающую его нужды и тяготы.

После революции 1917 г., когда у власти оказались люди, ранее бывшие далекими от нее, быт и сознание значительной части (если не большинства) новых лидеров стали меняться. Меняться по разному в смысле темпа и внешних проявлений. Это зависело от множества обстоятельств, в том числе от характера того или иного индивидуума.

Понятие "перерождение" является весьма широким, однако оно не охватывает и малой доли социально-политических явлений и процессов России XX в. Не касаясь изменений положения и психологии различных групп крестьянства, дворянско-капиталистического меньшинства, интеллигенции, рассмотрим наряду с перерождением процесс социального вырождения. Это явление, близкое к перерождению, охватывает не только коммунистов со стажем предоктябрьским, октябрьским и периода Гражданской войны. Оно захватывает широкую номенклатурную массу, постоянно возрастающую.

В ходе революции и Гражданской войны произошло кардинальное поравнение общества. Было уничтожено его сословное деление. Юридически жители страны перестали делиться на дворян, крестьян, мещан, купцов разных гильдий. Были ликвидированы звания и титулы (князья, графы, бароны и т.п.). Все стали с рождения равноправными гражданами. Произошло и материальное поравнение. Ликвидация помещичьего землевладения, национализация крупных и средних промышленных и торговых предприятий, банков, доходных домов и прочее лишила богатых людей нетрудовых доходов. Это изменило психологию масс, ощутивших равенство в повседневной жизни. Рядовой рабочий или крестьянин, совсем недавно называвший помещика, фабриканта, владельца дома или магазина, баринком, теперь обращался к нему в лучшем случае как к равному, а в худшем – как к человеку второго сорта. Поравнение, которое большинство народа считало справедливым, стало одним из решающих факторов, обеспечивших поддержку Советов широкими массами и их победу в Гражданской войне.

Однако изменения происходили не только в массовом сознании. Менялось – и принципиально – сознание людей, получивших власть, пусть совсем небольшую. Одни с недовольством, другие со скрытым удовольствием убеждались, что старое не исчезает, что оно содержит немало обольстительного для тех, кто оказался наверху. Старое цепко держало новых властителей. Люди, собиравшиеся преобразовывать мир и всех своих собратьев, преобразовывались сами. Преобразовывались не в том направлении, какое проповедовали и предписывали другим.

Что касается партийцев с дореволюционным стажем и большого числа людей, вступивших в партию в ходе революции и Гражданской войны, то они в основном выдерживали первые испытания, хотя большинство ответственных работников получило незначительные материальные преимущества, благоприятные (относительно) жилищные условия и лучшее, чем у большинства сограждан, но отнюдь не блестящее продовольственное снабжение. Эти преимущества не создавали еще материально-бытовой основы для изменения ментальности.

Неизмеримо большее значение имел сам фактор власти, возможность распоряжаться судьбами людей – врагов и единомышленников, а главное – простых граждан в масштабах города, губернии, уезда или армейской части. Однако фактор власти, сам по себе могущественный, сказывался в особых условиях – условиях Гражданской войны. Чаша весов непрерывно колебалась то в одну, то в другую сторону. Советским активистам, партийцам в случае победы контрреволюции грозила смертельная – в прямом смысле этого слова – опасность. Поэтому большинство из них по-прежнему ощущало себя не людьми, получившими желанную власть, а революционерами, борниками идеи, готовыми на любые испытания, на борьбу и лишения.

Я не говорю о нечистоплотных людях, которые примазались к новой власти, проникли в различные ее структуры, в карательные органы. Об этой неизбежной грязной пене рассказывается в сотнях воспоминаний представителей "бывших". Не только

криминальные элементы, но и определенная часть простых людей – жадных, корыстных, нечестных, под предлогом борьбы с контрреволюционерами захватывали богатые жилища со всем имуществом, воровали драгоценности во время обысков и арестов. Видимо всегда при крупных поворотах, сменах власти ослабевает карающая рука закона. Ударные силы государства прежде всего направляются против классовых врагов. На поверхность выступают низменные инстинкты и наклонности, в обычное время не имеющие простора для проявления. Можно констатировать, что российская революция на первых порах предоставила большие возможности для разгула людских пороков.

О численности "примазавшихся" к партии карьеристов, лиц недостойных, нечестных дает представление масштабная чистка партии, проведенная после Гражданской войны¹. Следует признать, что партийное руководство и партийная пропаганда в первые послереволюционные годы подчеркивали непривилегированность коммунистов. В.И. Ленин остро ставил вопрос и о борьбе с коррупцией и комчанством. «Наша партия, – писал он в 1919 г., – заботится о своей очистке от "примазавшихся". Мы не сулим и не даем никаких выгод от включения в партию»². Считая коррупцию величайшим злом, он предлагал поддавшимся коррупции коммунистов наказывать вдвое строже, чем беспартийных. В газетах то и дело попадались сообщения о возбуждении персональных дел партийцев "в связи с хозобрастанием", с "обрастанием хозшерстью". Большие, но, вероятно, неоправданные надежды возлагались на "партмаксимум", когда членам партии запрещалось получать зарплату выше установленного максимума. Поощрялась скромность в одежде, сохранялась демократичность в общении товарищей по партийно-советской, профсоюзной, комсомольской работе.

Проблема возникновения неравенства встала на профсоюзной дискуссии 1920 г., а Л.Д. Троцкий уже в начале 20-х годов открыто поставил вопрос об опасности угрозы перерождения партийных кадров. На XIII партийном съезде в 1924 г. он говорил о "возможности бюрократизации ее аппарата и как возникающей отсюда угрозе отрыва партии от масс"³. Правда, понимание Троцким перерождения было сравнительно узким. Но его высказывания были подвергнуты критике за содержащуюся в них попытку противопоставить партийную молодежь старой гвардии.

С окончанием Гражданской войны ряды компартии пополнялись уже не из борцов против самодержавия, Временного правительства, белых войск и интервентов. В партию вступали рядовые рабочие, часть интеллигенции и крестьян. Большой приток в партию был во время ленинского призыва в 1924 г. Немалая часть новых партийцев оказывалась во властных структурах. У этой массы также происходило качественное изменение менталитета под влиянием власти и связанными с ней привилегиями. Социальное вырождение шло по двум основным направлениям. В 20–30-е годы номенклатура пополнялась, как сказано ранее, главным образом из рабочих, части интеллигенции и крестьянства, а в первые послереволюционные годы из демобилизованных командиров и комиссаров. И те, и другие – преимущественно выходцы из народных низов, не слишком образованные. В 1920–1930-е годы значительная часть элиты – на всех уровнях – от райкома до ЦК довольно быстро обюрокративалась, воспринимала начальственные привычки, административные навыки, привыкала к материальным привилегиям.

Перемены в сознании начинались с обволакивающего воздействия повседневного быта, когда недавний подпольщик, худо одетый и не всегда сытый, превращался в человека, хорошо обеспеченного государством, с казенной квартирой, дачей, автомашиной, привилегированным снабжением и медобслуживанием. Из гонимого и пресле-

¹ В ходе чистки, проведенной во второй половине 1921 г., из партии было исключено 159 355 человек (24,1% состава). – Одиннадцатый съезд РКП(б). М., 1961, с. 743.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 45.

³ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1924, с. 158–159.

дуемого маргинала человек превращался в обладателя власти, получившего возможность распоряжаться судьбами других в масштабах страны, области, города, района, отрасли науки, культуры, производства.

Противоречие между старыми привычками и приобретенными не исчезало разом. Ход событий порождал новые противоречия. Представления – во многом наивные, но искренние – о будущем, сталкивались с реалиями настоящего. Старое неравенство было уничтожено, но его новые проявления вылезали из всех щелей. В условиях всеобщей нищеты, голода люди, занимавшие большие и малые посты в городах и селах, в армии, неизбежно получали какие-то – пусть весьма незначительные – привилегии.

НЭП давал немалые возможности для использования власти. Сочетание административных рычагов с наличием частного капитала открывало широкие коррупционные возможности для партийцев, выполнявших властные функции. 20-е годы стали рубежными для многих коммунистов, вступивших в партию до окончания Гражданской войны. Взятки давались за разрешение открыть магазин, ресторан, пекарню, небольшую фабрику, за предоставление кредитов, за снижение суммы налога.

Недавний узник царской тюрьмы или комиссар полка после лишений, испытаний поддавались искушению и предавались прелестям ресторанов, дорогой одежды, заводили любовниц. Психологически они находили оправдание, выпячивая свои прежние заслуги. В те годы популярной была ироническая реплика: "За что боролись!". Правда, она понималась по-разному теми, кто мог только смотреть на шикарные витрины и теми, кто ходил в ресторан с туго набитым бумажником.

Из партийных рядов вырвавшейся численно партии выдвигались новые руководящие работники. Они были выдвинутыми уже правящей партии, от них не требовалось жертв, привилегии доставались им автоматически. Основная масса новой элиты искренне верила в социальную справедливость. Но сложившаяся система, делая их ведущими, вела к отрыву от широких слоев населения. В самой партии родилось понятие двух этажей – руководителей и подчиненных.

Необходимо помнить, что перерождение коснулось незначительной части элиты. А основная масса трудящихся все послереволюционные годы искренне верила в конечное торжество социальной справедливости, отдавая свои силы на то, что называлось социалистическим строительством.

В предвоенные и особенно в послевоенные годы привилегии открытые и завуалированные продолжали нарастать. При повсеместном росте городского населения и крайне обострившейся жилищной нужде, сравнительно небольшое строительство новых домов обеспечивало прежде всего номенклатуру. Возникли "отраслевые привилегии", при которых работники партийно-государственного аппарата, руководящие чиновники отраслевых наркоматов пользовались услугами спецполиклиник, "собственных" санаториев, домов отдыха и т.д.

Система привилегий носила ярко выраженный иерархический характер, когда их количество и качество зависело от занимаемого поста. А пост зависел от вышестоящего начальства. Так рушилась демократическая система взаимоотношений, критика все более приобретала формальный характер, усиливались карьерные начала в служебной деятельности, рос подхалимаж. Таким образом, год за годом ментальность руководящих кадров менялась под влиянием тех перемен, которые происходили в области материальных жизненных условий.

Значительная часть новой элиты подверглась перерождению не столь разительно, как у старых партийцев, но более быстрому. У всей, реально ощутившей материальные блага элиты, менялся менталитет. Получение квартиры (или хорошей комнаты), литерной продовольственной карточки, талонов на ширпотреб, а главное возможности распоряжаться большим или меньшим числом подчиненных просто требовало психологических изменений, иногда незаметных внешне, а часто проявлявшихся в элементарной грубости. Здесь уместно отметить, что при проведении чистки

партии по постановлению Объединенного январского пленума 1933 г. ЦК и ЦКК ВКП(б) было исключено 18,3% членов партии⁴.

Немалая часть новых начальников сохраняла моральную чистоту, веру в победу социализма, оставалась незапятнанной в распространявшихся все шире финансовых искривлениях, девиациях, не использовала служебное положение для себя и родственников. Вместе с тем значительная часть партийно-советско-профсоюзно-комсомольского аппарата, чиновников различных организаций (вроде Осоавиахима-Досаафа, МОПРа), руководителей художественных, спортивных, просветительных учреждений, творческих союзов и т.п. подверглась социальному вырождению. Общие черты перерождения и социального вырождения видны невооруженным глазом. Но куда труднее разобраться в том, как они, черты преломлялись применительно к каждой отдельной личности.

Все проявления перерождения – предельно индивидуализированы. Внешние проявления его бесконечно разнообразны, завися и от интеллекта, и от культурного уровня, и от множества неприметных, но важных черт характера.

Характерные черты социального вырождения: преобладание беспринципности, готовность служить любой власти, отстаивать любую идеологию; безразличие к государственным и общественным интересам; стремление к повышению собственного благосостояния; масштабная коррупция; круговая порука; задогматизированность идеологии, которая провозглашалась доминантой мировоззрения; в нее не верили, но лицемерно пропагандировали; любое отступление от нее, попытка сказать новое слово строго карались. Разрыв между словом и делом становился с каждым годом заметнее.

Обратим внимание и на такую категорию деятелей, как Б.Н. Ельцин или А.Н. Яковлев, которые многие годы не просто исповедовали одну веру, не просто проповедовали, но учили и принуждали других исповедовать ее, стали ее же клеймить и поносить непотребными словами. Это нарушает все положения нравственности, свидетельствует о полном отсутствии моральных устоев. Такие повороты хуже, чем измена присяге, переход под знамена врага. Ясно, что таким людям доверять нельзя, и обречен человек, который с ними пошел бы в разведку.

Думаю, что такие деятели с молодости были одержимы патологическим стремлением к власти. Карьерные страсти и властолюбие находили свое удовлетворение в получении партийных постов, в гонении тех, кто отступал от ортодоксальной линии. Какие камни держали они за пазухой, какие антисоветские мысли таились у них, мы никогда не узнаем. Они не были революционерами, партийная служба могла быть службой в любой партии, а марксизм-ленинизм являлся удобным, понятным, чисто внешним прикрытием. Господствуй в СССР партия, исповедующая шаманизм, они также ревностно служили бы ей, обличая неустойчивых шаманцев, поднимаясь все выше по шаманской лестнице.

Многие революционеры – идеалисты, революционные романтики, находясь у власти, противостояли "хозобрастанию", стараясь в работе и повседневной жизни следовать своим идеалам. Среди идейных революционеров было много убежденных аскетов и фанатиков, не терпевших колебаний, отступлений от принципов. Но ничто в природе, жизни, политике не бывает в чистом виде. И у закованных в стальную броню рыцарей революции были свои "слабинки", свои "человеческие недостатки". И аскетизм давал трещину в цековских санаториях с отменными поварами. И фанатику, poslanному на дипломатическую работу, надо было одеваться поприличнее.

Изменения в сознании проистекали не только из менявшегося бытия. Менялась политическая обстановка, атмосфера в партийной среде. Сталинские репрессии породили страх за собственную судьбу. Это делало возможным волну террора и расправ со старыми революционерами – сначала с теми, кто выражал хоть малейшее несогласие с генеральной линией Генерального секретаря, затем с согласными, но самостоятельными мыслящими, а затем с остальными.

⁴ Большая советская энциклопедия, т. 29. М., 1978, с. 218.

Внутрипартийные битвы приучили новых руководителей к мысли о том, что недавние товарищи могут оказаться по другую сторону баррикад. Привыкнув к этой мысли, они без труда перенесли на недавних соратников идею, заученную во время Гражданской войны: с врагами надо действовать по-вражески.

Массовый террор породил чувство страха у уцелевших. Бесстрашные прежде люди стали бояться за свою жизнь и жизнь близких. Липкие метастазы страха поражали новые участки сознания, несли его качественное изменение. Уцелевшие приняли новые правила игры. Они не могли не понимать, что репрессии ужасны и затрагивают невинных, честных. Но они вынуждены были не просто соглашаться с тем, что происходило, но и публично высказываться в поддержку террора. Если говорить о перерождении старых кадров, то главное все же было не в дачах, спецпайках и спецполиклиниках, а в поддержке расстрельных приговоров своим недавним боевым друзьям.

Но они не созрели бы для этой поддержки без ставших привычными бархатных объятий житейской благоустроенности. А тем временем подрастали новые поколения. И среди них преобладали идейные, искренние, честные люди, верившие в построение социализма и коммунизма. Но те, кто выходил в большие или малые начальники, перенимали уже накопившийся опыт. С меньшими, чем их предшественники, душевными потрясениями, но менялись, приспособлялись и привыкали, привыкали, привыкали.

Так шло или с трагическими надломами или просто, незаметно, естественно, шаг за шагом изменение характеров и душ. Многие из старых революционеров, по-прежнему истово и искренне веруя в коммунистическую идею, в то, что партия всегда права, что все идет в нужном направлении, старались не замечать криводушия лидеров, использования несправедливых методов для достижения праведных целей и – привыкали. Пытались объяснить передежки тактической необходимостью, грубейшие искривления – перегибами, которые исправляются, преступные расправы – неизбежными ошибками на местах ("лес рубят – щепки летят") и – привыкали. Так происходило то, что можно назвать перерождением старых кадров и социальным вырождением новой элиты.

Можно констатировать, что основная часть советской элиты – люди, вступившие в партию до революции и во время Гражданской войны – была либо уничтожена Сталиным или подверглась перерождению. Сформировалась новая элита – номенклатура, неуклонно возраставшая численно и умножавшая права и привилегии. С ее основной массой происходило то же, что и со старыми революционерами. Только это было не перерождение, а социальное вырождение.

Большинство населения в той или иной степени верило в социалистические идеалы. Провозглашались пятилетки, шло социалистическое строительство, и люди осуществляли его с искренней верой в конечный успех социализма. Конституция 1936 г. обсуждалась демократически и повсеместно, хотя Основной закон на деле не выполнялся – о свободе слова, собраний, оппозиционных демонстраций и митингов нельзя было и подумать, равно как о выдвижении альтернативного кандидата на выборах. Пассивное большинство признавало правоту инсценированных судилищ и требовало расправы над врагами народа.

Война доказала, что большинство народа стоит именно за социалистическую Родину. Иначе, зачем бы Сталин в самые трудные моменты войны в своих выступлениях подчеркивал это обстоятельство. Ведь совершенно очевидно, что тогда он должен был говорить – и говорил – то, что отвечало настроениям народа.

В послевоенные годы (а это почти столетия) советская элита расширялась и укреплялась. При сохранявшейся бедности массы населения, при нараставшем дефиците продовольствия и ширпотреба, при острейшей нехватке жилья лишь элита жила на среднем уровне и выше его. Неравенство, видимое основной массой населения, вызывало растущее недовольство. Шло отторжение элиты от основной массы. Элитно-номенклатурные слои все более обособлялись от народа. Если перерождение старой гвардии охватывало десятки тысяч, то номенклатура включала уже сотни тысяч. Ее социальное вырождение заключалось в том, что номенклатурная масса материально

и духовно все дальше отходила от тех основ, на которых она создавалась, от целей, которые ею провозглашались.

Вырождение значительной части партийного руководства выражалось в радикальном изменении менталитета недавних марксистов в связи с новым социально-политическим статусом и материальным положением, в отходе на задний план прежней системы ценностей, превращение в приоритетную задачу сохранение сложившегося порядка во имя собственного блага. Обеспечение карьеры, преумножение власти и привилегий – становилось главным жизненным кредо. Поскольку сложившийся после революции режим являлся основой собственного благополучия, борьба за стабильность режима оставалась доминантой. Но провозглашенные и проповедуемые как революционные цели противоречили новому менталитету. Отсюда – противоречивость процесса перерождения и социального вырождения. Отсюда – необходимость сохранять приверженность революционной фразе, превращавшейся в догму. Отсюда расхождение между словом и делом. Точнее: старая революционная идея не исчезла, не могла исчезнуть сразу. Старый революционер не превращался в рядового обывателя, мещанина. Большинство ленинской гвардии искренне сохраняло веру в торжество социализма. Тем более, что это сочеталось и с самоутверждением, и с уверенностью в правильности избранного пути. Они продолжали верить, но эта вера в немыслимом сплетении превращалась в окостенелые постулаты и прагматизм приспособления к новым реалиям.

Вторая половина XX в. сняла проблему перерождения, какой она была в первые десятилетия после революции. Выросли новые поколения больших и малых руководителей. Ушла в прошлое проблема прихода во власть революционных романтиков. У власти находились люди двух основных типов – честные работники, добросовестно выполнявшие нелегкие обязанности партийно-советских, профсоюзно-комсомольских и прочих чиновников. Многие из них искренне верили в "светлое будущее" и, зная жизненные реалии, видя существенные недостатки режима, стремились делом сгладить их остроту. Они критиковали слабости и просчеты, но до известного предела.

Другая группа состояла из людей откровенно карьерного склада. Они давно открестились от социалистических идеалов, на словах, разумеется, поддерживая и проповедуя все решения партии и правительства, щеголая знанием "Краткого курса" и нового историко-партийного учебника под редакцией Б.Н. Пономарева. Они концентрировались в наиболее престижных и выгодных местах – в ЦК, в обкомах и горкомах, в профсоюзном и комсомольском руководстве, в КГБ и других министерствах и госкомитетах.

Обе группы пользовались привилегиями, которые были им положены в соответствии с чинами, званиями, должностями. Представители обеих групп жили и трудились в соответствии с теми нормами, правилами, которые были приняты обществом. Сознание менялось лишь обычным путем на основе должностного роста и соответственного увеличения прерогатив и привилегий. Эти привилегии (первоочередное получение жилплощади, выдача дефицитных продуктов, закрытые столовые, элитные санатории, загранпоездки, служебные автомашины) вызывали главное возмущение и были предметом ожесточенных нападок, которые поддерживались всей интеллигенцией и широкой общественностью.

С падением компартии и установлением ельцинского режима представители именно второй группы оказались у руля. Высокопоставленные номенклатурщики, люди на протяжении десятилетий не только исповедовавшие, но и проповедовавшие коммунистическое мировоззрение, обрушились с проклятиями на советскую власть и компартию. Вместе с ними яркими антикоммунистами стали многие из бывших партийно-советско-профсоюзно-комсомольских работников. В этом плане можно констатировать, что в 90-е годы девять десятых оказавшихся у власти политиков были абсолютно беспринципны. Это и было проявлением социального вырождения. А "демократы-перестройщики", пришедшие к власти, со сладострастием стали пользоваться теми же привилегиями, на которые они так яростно и бескомпромиссно нападали.

Главной особенностью перестроечных лет стало то, что делили не только кабинеты в коридорах власти. Делили собственность – государственную, т.е. народную, дели-

ли богатства страны – скрытые под землей запасы нефти, угля, газа, золота; построенные поколениями заводы, фабрики, дворцы, санатории, магазины, больницы.

После революции 1917 г. люди, оказавшиеся у власти, получили определенные материальные блага, заметные на фоне всеобщей бедности, уравниловки и дефицита. Но по большому счету эти привилегии были ничтожными. Все, чем владела страна, находилось под контролем государства, и самые могущественные сановники были не более, чем слугами государства. При Сталине они лишались не только государственных дач, но и собственных голов. При Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневеве верность хозяйину вознаграждалась персональной пенсией.

В конце XX в. речь пошла не об икорно-ветчинных, автомобильных и прочих привилегиях. В порядок дня встал дележ всей народной собственности. Никогда в истории не бывало государства, которому принадлежало все – от космодромов и синхрофазотронов до торговых точек, где продавали картошку и булочки. В 70–80-е годы номенклатурщики, постепенно увязая в коррупции, обгрызали по краям гигантский государственный пирог. С конца 80-х годов этот пирог стали резать кусками и захватывать те, кто находился у кормила власти. Превращение государственных слуг в собственников привело к перерождению и социальному вырождению на принципиально другой основе.

Перестройка конца 80–90-х годов, нацеленная против вырожденческой тенденции, на деле оказалась в руках самих вырожденцев. Сила и рычаги партийной, советской, профсоюзной администрации были направлены на разграбление народного достояния.

Факт вырождения руководящей элиты, превращение ее в скопление заботящихся только о своем благе чиновников, с удивительной яркостью подтверждается тем, что выступление противников советского режима не встретило сопротивления с ее стороны. Гигантский государственный аппарат в центре и на местах, обладавший всеми необходимыми рычагами, бездействовал. Даже группа высших руководителей, включая вице-президента, председателя Совмина, министра обороны, руководителя службы безопасности в августе 1991 г., создав ГКЧП, не знала, что делать, не понимала, чего хочет народ. Непонятное на первый взгляд бессмысленное бездействие ГКЧП без труда объясняется тем, что его члены олицетворяли вырождение элиты. После ГКЧП власть захватили оперировавшие безудержной демагогией представители той же элиты.

Когда в сентябре – октябре 1993 г. часть народа, прозрев, подняла восстание в Москве, против совершившего государственный переворот и установившего единоличное правление Б.Н. Ельцина, это выступление возглавили представители той же элиты Р.И. Хасбулатов и А.В. Руцкой. Поэтому беспрецедентные действия Ельцина, приказавшего стрелять из танковых орудий по зданию Совмина, где заседал непокорный Верховный Совет, не встретили отпора основной массы населения.

Так, одна группа выродившейся элиты, поднявшейся на критике выращившего ее советского строя, свергла другую выродившуюся группу, защищавшую не оправдавшие себя социалистические догмы.

90-е годы ознаменовались торжеством выродившейся элиты. Распад СССР, развал экономики, ограбление государства, гигантская инфляция, уничтожившая все накопления и доходы граждан, война в Чечне – все это создало реальную угрозу серьезных социальных потрясений.

Перед новым руководством, пришедшем в третьем тысячелетии, встала тяжелейшая задача: ликвидировать не только негатив советского режима, но и, главным образом, последствия разрушительных деяний 90-х годов. "Путину досталась по наследству страна, разграбленная и сшибленная с ног", – говорил А.И. Солженицын в интервью журналу "Шпигель"⁵.

Особая сложность ситуации заключалась в том, что новое руководство вынуждено было работать с административной элитой, которая в значительной части состояла из номенклатуры, подвергшейся вырождению при советском режиме, и псевдо-демокра-

⁵ См.: Аргументы и факты, 6–12.VIII.2002, с. 4.

тов, окончательно выродившихся в 90-е годы. Создание реально-демократического гражданского общества в России по этим причинам потребует многих лет.

В 1917 г. к власти пришли люди, отрицавшие старый строй и самоотверженно боровшиеся против него. Не будем касаться вопроса о том, насколько они были правы в своей непримиримости ко всему старому и в стремлении разрушить его до основания. Но они – в своем подавляющем большинстве – были честны в стремлении переделать мир. Поэтому их перерождение после прихода к власти было постепенным, сложным, противоречивым. А с начала 90-х годов к власти пришли люди, всю жизнь проповедовавшие коммунизм. Ради того, чтобы под новыми вывесками оставаться у власти, они сожгли все, чему поклонялись, поклонились всему, что сжигали ранее. У них не возникло проблем с перерождением. Это было проявлением начавшегося ранее перерождения. Речь шла лишь о том, чтобы поскорее прорваться к пирогу и отрезать кусок пожирнее. Приход к власти деятелей, предавших коммунизм анафеме, автоматически превратил эту власть в аморальную, беспринципную.

Другую часть пришедших в 90-е годы к власти составили неудачники, карьеристы, развернувшие борьбу с Советами, когда это стало не просто безопасным, а еще и выгодным. Для таких деятелей прорыв во властные структуры был целью, ибо власть и давала искомый кусок пирога. Здесь также не было перерождения, а лишь достижение целей.

Совершенно неизбежным, понятным, очевидным стало разграбление народной экономики, огромный рост коррупции, в частности, должностных преступлений. Ни в одной стране нет такого количества осужденных по уголовным статьям высокопоставленных чиновников, включая бывших губернаторов и судей; высших офицеров, включая генералов, такого числа "оборотней", т.е. служащих правоохранительных органов, уличенных в криминале. Нигде нет такого разрыва в доходах между миллиардерами и беднейшей частью населения. Такой масштаб неравенства, как давно отмечено, ведет к социальной неустойчивости.

Третья, очень немногочисленная часть людей, оказавшихся в начале 90-х годов у власти, действительно состояла из честных поборников свободы и демократии. Большинство из них не сумели или не захотели приживаться во властных структурах, они оказались отброшенными в сторону.

Другая часть прошла тот же путь, что и тысячи старых большевиков – с противоречиями, сомнениями, не выдержала искушений, тем более что ассортимент благ неизмеримо расширялся. В условиях, когда не надо было проповедовать равенство и стало престижным свое богатство выпячивать напоказ, социальное расслоение общества двинулось семимильными шагами, процесс социального вырождения пошел с исключительной быстротой.

Природа человека, сочетание в ней противоречивых черт, находит свое выражение и проявление в классовой борьбе, в борьбе за власть и вырождении руководящих кадров. Было бы неправильно затушевывать, умалять значение классовой борьбы. Но неправильно не видеть ее сложности. В частности, сложность вопроса в том, что в классовой борьбе отражаются как внешние факторы (формы эксплуатации, условия труда и быта), так и внутренние (злоба, ненависть, зависть, терпение и его предел, покорность, решимость). Исторический опыт показал, что порой столбовой дворянин становился честным, безоговорочно преданным коммунистом. А потомственный рабочий, часто, попав во власть, превращался в рядового взяточника.

Опыт революции и контрреволюции в России позволяет сделать чрезвычайно важный вывод: провозглашение прогрессивных задач – хорошо. Попытка их претворения в жизнь – необходима. Но реализация их без соответствующего массового понимания и принятия народом – губительна. От великой идеи до ее воплощения – дистанция огромного размера.

Уважение к труду, к людям труда, провозглашенное коммунистами, бессмертно, прекрасно. Героям труда в СССР давали ордена, медали, поощряли материально. Народ знал имена ударников, стахановцев, "маяков". Но появлялись рабочие, не вылезавшие из почетных президиумов, забывавшие о родных станках, сделавших их знаме-

нитыми. Распространялись показуха, формализм, надуманные искусственные почины. Не оказалось механизма, способного сохранить уважение к труду в чистоте, сделать это уважение массовым, повседневным, без кампанейщины, без "галочек" для отчета. Практически социализм не нашел реальных способов для стимулирования различных категорий рабочих, колхозников, интеллигенции, хотя поиски стимулов были.

В документах КПСС неизменно подчеркивалось, что впервые в истории международного социалистического движения в программе партии было записано требование установления диктатуры пролетариата.

Октябрь, свергнув власть эксплуататоров, установил таковую. По официальной идеологии, диктатура пролетариата и воплотилась в Республике Советов, заменяла демократию для эксплуататоров социалистической демократией для трудящихся. Руководящей силой была партийная элита. Но по мере укрепления официальной догмы о полной и окончательной победе социализма появилось положение о том, что "государство диктатуры пролетариата превращается в политическую организацию всего народа", "руководящая роль рабочего класса во главе с его авангардом – коммунистической партией"⁶ – сохранялась. На практике это и означало социальное вырождение руководящей элиты, ее отрыв от основной массы трудового народа и от массы рядовых членов партии, неизмеримо выросшей численно.

Все дело в механизме реализации прогрессивных идей. Ничто не происходит автоматически. Человек в борьбе за выживание в тысячах поколений выработал и закрепил генетически множество отрицательных черт. Но он не безнадёжен, homo sapiens. Механизм совершенствования человеческой природы может быть создан совместными усилиями психологов, экономистов, администраторов. Без клонирования, без биотехнологий. Но, конечно, не в условиях голода и нищеты, без растлевающего влияния роскоши и богатства, без пропаганды лжи и насилия, и с помощью религии, если сами церковники избавятся от догматизма примитивных мифов, сосредоточив усилия на реальном претворении в жизнь великих и справедливых заповедей.

Современная пропаганда, далекая от научного подхода, от объективности, не разграничивает выдвижение идей с их реализацией и результатами. Она обрушивается с той же силой, с какой раньше восхваляли достижения Советов на все революционное, все советское, вместо того, чтобы использовать позитивный и учесть негативный опыт. Историки могут показать воплощение прогрессивных идей, трудность их реализации, показать, где, на чем мы спотыкались, где тот пень, зацепившись за который телега социализма вертелась на одном месте.

Неудачи в построении в Советском Союзе социализма очевидны. Несовершенство человеческой природы пока непреодолимо. Власть развращала, развращает и будет развращать всех, ее достигших. Иллюзии на сей счет приносят лишь один вред. Но бороться с ржавчиной, разъедающей даже монолиты, минимизировать следствия перерождения, хотя бы руководящей элиты общества, возможно и нужно. Нужна гласность, гласность без двойных стандартов. Нужна оппозиция, имеющая возможность вскрывать язвы, исправлять, критиковать. Нужно соблюдение законов, не просто пресекающее административный беспредел, а карающее малейшее злоупотребление властью.

Отцы-основатели Соединенных Штатов, безусловно, поступили мудро, ограничив пребывание на посту президента двумя сроками, предусмотрев и особо оговорив в качестве исключения возможность третьего срока в чрезвычайных обстоятельствах. Временной ограничитель для главы государства в условиях России необходим абсолютно.

Может быть, крупнейшее достижение общественной жизни заключается в том, что за последние пару столетий в ряде стран удалось выработать механизм цивилизованной смены государственных руководителей, преодолев опасную, со многих точек зрения, традицию наследственности, почему-то названную легитимностью, и еще более опасную систему пожизненной диктатуры.

⁶ КПСС в резолюциях, изд. 9-е, т. 11. М., 1986, с. 486, 487.

Можно согласиться с оценкой ситуации в России, данной А.И. Солженицыным: "Когда заботы власти – лишь о самой власти, а не о стране и населяющем ее народе, когда национальное богатство ушло на обогащение правящей олигархии и неперечислимых кадров власти верховной, законодательной, исполнительной и судебной – в этих условиях трудно взяться за утешительный прогноз для России. Но во всяком случае решение следует искать глубже уровней экономического, политического и даже социального"⁷.

Велика опасность, что все отрасли власти окажутся в руках этих категорий. Пример В.В. Путина, впервые ушедшего добровольно с поста президента (правда, сохранив существенные рычаги власти), положителен, давая пример, показывая направление.

Опасность уменьшится, если в России реально возникнет и укрепится гражданское общество. Это общество будет характеризоваться минимумом секретности при максимуме прозрачности; минимумом привилегий при максимуме ротации руководящих кадров; минимумом парадности и показухи при максимуме деловитости в функционировании администрации.

Мне довелось видеть во всех инстанциях различных регионов СССР множество честных, преданных партии и советской Родине работников, связанных с массами, заботящихся о нуждах рядовых тружеников, творчески решающих задачи развития своего района, республики, области, завода, колхоза.

Благодаря таким людям страна не только осуществила прорыв в будущее, подняв красный флаг над одной шестой частью планеты, будучи лишенной всякой помощи извне, одержала победу в Гражданской войне, построила современную промышленность, разгромила фашизм, быстро восстановила разрушенную войной экономику, первой прорвалась в космос.

Итак, история в своем бесконечном многообразии дает нам необозримое количество фактов изменения физического, материального и социального состояния человека. Это неизбежно ведет к большему или меньшему изменению его психики. Практические изменения, включая возрастные, касаются каждого человека. Но они, повторяю, имеют при наличии ряда общих характерных черт так много оттенков, нюансов, переходных моментов, настолько зависят от обстоятельств времени и места, настолько индивидуализированы, что их изучение может быть лишь относительным, условным, или событийно, регионально локализованным. Применительно к отдельным людям (если сохранились такие источники, как дневники, мемуары, переписка) проследить процесс можно более основательно. Но по отношению к даже ограниченной численно категории это чрезвычайно затруднительно.

На этих страницах речь идет о самых кардинальных изменениях ментальности, таких, которые означают перерождение личности. Но не следует бояться слов "перерождение" и "вырождение", равно как и не нужно ими злоупотреблять. Надо признать их существование в качестве историко-психологического явления, серьезного фактора социально-политического развития. И, признав, надо изучать формы, масштабы его проявления применительно к различным историческим эпохам и событиям. Проблема представляется важной, сложной и актуальной. Понимаемая в широком смысле, она имеет общечеловеческое значение.

Меры, намеченные в 2008 г. президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и председателем правительства В.В. Путиным, направленные на радикальную борьбу с коррупцией, сокращение чиновничьего аппарата и другие демократические преобразования, кардинальны. Их претворение в жизнь будет более чем трудным. Но при опоре на народ, который поддерживает курс на социальную справедливость, эти трудности преодолимы.

⁷ Независимая газета, 3.VI.1999.